

стрельных орудий, 67% крепостных гаубиц, 12,3% артиллерийских снарядов, 43% винтовок. К концу войны доля уральских предприятий в военном производстве России составила более 30%³⁰.

Мобилизационные мероприятия в отношении металлургической промышленности в годы Первой мировой войны способствовали созданию в регионе довольно мощной по тем временам военно-индустриальной базы России. Однако созданный за годы войны на Урале военно-промышленный потенциал не был целиком использован на Восточном фронте в связи с революциями 1917 г., выходом России из войны и начавшейся демобилизацией военной промышленности. В целом, Первая мировая война означала качественно новую ступень в индустриальном развитии региона. В уральской промышленности произошли глубокие изменения, являвшиеся следствием, прежде всего, масштабного освоения в сравнительно сжатые сроки новых *высокотехнологичных военных производств*. С тех пор военный фактор играл важную роль в дальнейшей индустриализации края и способствовал превращению металлургии в стержневой хребет уральской экономики.

Примечания

¹ Доклад горного инженера Ф.И. Кандыкина XX-му Съезду горнопромышленников Урала 3-го марта 1915 г. // Уральский техник. 1915. № 11–12. С.1–14. Яков В.П. Значение Урала в будущем развитии русской горнозаводской промышленности // Там же. 1916. № 3. С.2–11.

² Древесное топливо. Труды Совещания 14–15 февраля 1915 г., созванного в г. Екатеринбурге Уральским Уполномоченным Председателя Особого Совещания по топливу. Екатеринбург, 1917. С.14.

³ Гаврилов Д.В. Горная промышленность Урала // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 1998. С.152.

⁴ Там же. С.153.

⁵ Вяткин М.П. Горнозаводской Урал в 1900–1917 гг. М., Л., 1965. С.374.

⁶ Ситов С.П. Очерки по истории горнозаводской промышленности Урала. Свердловск, 1936. С.247.

⁷ Рабочий класс Урала в годы войны и революций. В док. и материалах. Свердловск, 1927. С.12–13.

⁸ Губернаторы Оренбургского края. Оренбург, 1999. С.329.

⁹ Вяткин М.П. Указ. соч. С.264–265.

¹⁰ Лапин В.А. Златоустовский горный округ в период экономического подъема 1909–1913 гг. // Промышленность Урала в период капитализма: социально-экономические и экологические проблемы: Сб. науч. трудов. Екатеринбург, 1992. С.163.

¹¹ Там же. С.163.

¹² Поликарпов В.В. Государственное производство вооружения в России (1905 — февраль 1917 гг.): Дис. ... к.и.н. М., 1986. С.157.

¹³ Цепуров А.А. На защите Отечества. Военное производство Златоустовского завода с 1811 по 1945 гг. Златоуст, 1993. С.8–11.

¹⁴ Гаврилов Д.В. Технологические аспекты модернизации уральской металлургии XVIII–XX вв. // Урал индустриальный: Мат-лы докладов и сообщений региональной научно-практической конференции. Екатеринбург, 1997. С.28–35.

¹⁵ Гамберг Н. О современной горнозаводской жизни на Урале // Уральский техник. 1914. № 9–10. С.10.

¹⁶ ЦГАУР (Центральный государственный архив Удмуртской республики). Ф.4. Оп.1. Д.4544. Л.332–335об.

¹⁷ Договор о строительстве новой шпательной фабрики по проекту В.А. Барри // ГАПО (Государственный архив Пермской области). Ф.276. Оп.2. Д.54. Л.7–10об; Сведения о производительности Пермских пушечных заводов // Там же. Оп.2. Д.56. Л.11–12об.

¹⁸ Рапорт о технических и хозяйственных усовершенствованиях в Златоустовском горном округе в 1915 г. // Зф ГАЧО (Златоустовский филиал Государственного архива Челябинской области). Ф.И-20. Оп.1. Д.2752. Л.41–46об.

¹⁹ Там же. Л.46.

²⁰ Сведения о влиянии военного времени на деятельность казенных заводов // ГАСО (Государственный архив Свердловской области). Ф.24. Оп.19. Д.1575. Л.15–17.

²¹ РГВИА (Российский государственный военно-исторический архив). Ф.369. Оп.16. Д.243. Л.4, 5, 27.

²² Отношение 1-го отдела Артиллерийского Комитета ГАУ начальнику Пермских пушечных заводов по вопросу о применении бессемеровской стали для изготовления снарядов // ГАПО. Ф.276. Оп.3. Д.1. Л.39–40об.

²³ Ситов С.П. Указ. соч. С.255.

²⁴ Адамов В.В. Из истории местных военно-экономических организаций ширизма и буржуазии в годы Первой мировой войны (Уральское заводское совещание) // Ученые записки Уральского государственного университета. Свердловск, 1955. Вып.16. С.49.

²⁵ Адамов В.В. Указ. соч. С.39–50; Залесский С.А. Мобилизация горнозаводской промышленности на Урале в годы Первой мировой войны // Исторические записки. М., 1959. № 65. С.111–112.

²⁶ Ситов С.П. Указ. соч. С.267; Буранов Ю.А. Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861–1917). М., 1982. С.201.

²⁷ Абрамовский А.П. Первые шаги рабочего класса Урала по выполнению ленинского плана создания основ социалистической экономики // Развитие Челябинской области за годы Советской власти. Челябинск, 1974. С.108; Ситов С.П. Указ. соч. С.252–254.

²⁸ Залесский С.А. Черная металлургия Урала в годы Первой мировой войны // Исторические записки. М., 1956. № 55. С.150.

²⁹ Выплавка мартеновского металла на уральских предприятиях с 1914 по 1917 гг. // ГАСО. Ф.73. Оп.1. Д.221. Л.171–176; Залесский С.А. Черная металлургия Урала в годы Первой мировой войны... С.155.

³⁰ Выплавка мартеновского металла, чугуна и производство проволоки на заводах Урала за 1914, 1915, 1916 и 1917 гг. // ГАСО. Ф.73. Оп.1. Д.221. Л.95–176об; Залесский С.А. Мобилизация горнозаводской промышленности на Урале в годы Первой мировой войны... С.106; Он же. Черная металлургия Урала в годы Первой мировой войны... С.144.

Е.А. Зуева, В.П. Мотревич
(Екатеринбург)

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ О ГОЛОДЕ НА СРЕДНЕМ УРАЛЕ В 1940-е гг.

Социальным бедствием, вызванным недостатком или отсутствием питания, является голод. Голод существует в скрытой (хронической) и явной (голодовки) формах. Голод военных и первых послевоенных лет в СССР долгое время оставался неисследованной темой в отечествен-

ной и зарубежной историографии. Факт голода официально не признавался советским руководством и советской исторической наукой, а источники по данной проблеме являлись недоступными для исследователей. В настоящее время факты массового голода в послевоенные годы стали достоянием общественности. По расчетам В.Ф. Зимы в Советском Союзе с 1946 г. по 1948 г. от голода и вызванных им болезней, в том числе эпидемий тифа, погибло около 2 млн человек¹.

Между тем голод 1946–1948 гг. стал продолжением голода военных лет. Первые сообщения о нем появились в монографии М.Н. Денисевича, содержащей факты голодной жизни населения Урала во время войны. По его данным в 1942 г. в Свердловской области в Останкинском сельском совете только в колхозных детских яслях умерли от голода и болезней 30 детей, в Коптеловском — 44, в Монастырском — 22, в Бобровском — 18 детей². Однако до настоящего времени данная проблема практически не исследована, что в значительной степени связано с состоянием источниковой базы. Лишь во второй половине 1990-х гг. в архивах Советского Союза были рассекречены материалы, содержащие ранее неизвестные сведения о массовом голоде в СССР. Часть документов о неудовлетворительном снабжении населения и голоде под грифом «Совершенно секретно» отложились в Архиве УФСБ РФ по Свердловской области.

Так, спецсообщения Управления НКГБ по Свердловской области за военные годы свидетельствуют о голоде, заболевании и смертности на почве дистрофии в городе Асбесте. За IV-й квартал 1943 г. там было зарегистрировано 34 случая смертности от дистрофии, а за I-й квартал 1944 г. уже 137 случаев смертности. Среди погибших от голода было 19 детей в возрасте до 14-ти лет. Основной причиной смертности и заболевания населения дистрофией явилось отсутствие в достаточном количестве продуктов питания. Многие рабочие и служащие не имели дополнительных источников питания, помимо централизованного снабжения продуктами, которых остро не доставало. В документе отмечалось также, что выделяемые фонды централизованного продовольственного снабжения снабженными торговыми организациями отпускаются несвоевременно и зачастую полностью не отовариваются³.

Голод и массовая дистрофия приводили к тому, что на Среднем Урале нередкими были случаи убийства детей и самоубийства людей. В подготовленной Управлением НКГБ по Свердловской области докладной записке на имя секретаря Свердловского обкома ВКП (б) В.М. Андрианова сообщалось о том, что колхозница села Катышки Алапаевского района убила двух своих детей в возрасте пяти и двух лет, после чего покончила жизнь самоубийством. В документах указывалось, что за последнее время материально-бытовые условия данной семьи резко ухудшились: хлеба и картофеля она не имела. Помощи от местного сельсовета семья не получила, поскольку у нее были корова и дом⁴.

Другие спецсообщения содержат сведения о случаях каннибализма и трупоедства в эти годы. Так, в спецсообщении начальнику УНКВД по Свердловской области от начальника оперчекотдела Востокураллага НКВД сообщается об обнаружении в прачечной бани Дубровинского отделения Востокураллага НКВД завернутого в шинель трупа заключенного. При осмотре трупа было обнаружено, что от трупа отделены некоторые части тела и вынуты внутренние органы. Арестованный по данному делу другой заключенный признался, что совершил убийство с целью употребления мяса убитого в пищу. Чаще всего жертвой каннибализма становились дети. Так, в рабочем поселке Верхняя Пышма у одних родителей исчезла дочь десяти лет. В результате следствия было установлено, что ребенок встретила в магазине соседку и попросила у нее кусок хлеба. Та позвала ребенка к себе домой, где обещала дать хлеба. Дома девочка была убита; полученное человеческим мясом эта соседка кормила своих детей, а также продавала его на рынке. В документах отмечались и имевшие место случаи трупоедства. Так, проведенным расследованием в селе Черноусово Белоярского района было обнаружено, что одна из проживавших там семей занималась людоедством и продавали на рынке холодец из человеческого мяса. На допросе арестованные показали, что ночью они ходили на кладбище, разрывали могилы и срезали с трупов мясо. Приготовленный из этого мяса холодец употребляли в пищу, а также продавали на рынке⁵.

Вызванные голодом и выявленные органами НКВД факты людоедства местными властями всячески скрывались. Так, обыск квартир указанных выше подозреваемых производился под видом обнаружения похищенных им кур. Для предотвращения распространения панических слухов о голоде органам цензуры было дано указание о конфискации всех писем, содержащих описание этих и других случаев людоедства. Таким образом, содержащиеся в архивах материалы позволяют объективно и всестороннее исследовать различные аспекты материально-бытовое по-

ложения населения Урала, показать в каких условиях находились труженики "опорного края" в военные и первые послевоенные годы.

Примечания

¹ Зина В.Ф. Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. М., 1996. С.11.

² Денисенко М.Н. Индивидуальные хозяйства на Урале (1930–1985 гг.). Екатеринбург, 1991. С.83.

³ Архив УФСБ РФ по Свердловской области. Ф.1. Оп.1. Д.204. Л.58, 58об.

⁴ Там же. Л.69, 69об., 70, 70об.

⁵ Там же. Л.163. Л.48, 63; Д.204. Л.136, 136об., 137.

А.В. Иванченко

(Екатеринбург)

ДИСКУССИЯ ВОКРУГ ПЛАНА ВОССТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ НАДЕЖДИНСКОГО МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОГО ЗАВОДА В ПЕРИОД ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АИК «КУЗБАСС»

Накануне Октябрьской революции 1917 г. Надеждинский металлургический завод являлся одним из наиболее крупных и технически оснащенных предприятий металлургического комплекса Урала. В течение десятилетия, предшествовавшего Первой мировой войне, на заводе была осуществлена технологическая реконструкция, позволившая в несколько раз увеличить объемы производства чугуна и стали. (Если в 1907 г. Надеждинский завод произвел 2434,4 тыс. пудов чугуна и 1818,6 тыс. пудов стали, то в 1913 г., когда завод достиг наивысших производственных показателей, на нем было выплавлено 10324 тыс. пудов чугуна и 8892,8 тыс. пудов стали, т.е. общий объем производства увеличился более чем в 4 раза). В начале 1917 г. на заводе действовали 7 доменных и 9 мартеновских печей, 22 прокатных стана. В результате реконструкции уровень механизации производства на заводе достиг весьма высокого уровня — так, литейный цех был полностью оснащен мостовыми разливочными и сборочными кранами, рельсопрокатный цех располагал мощнейшей по тем временам паровой машины мощностью 10 л.с. Кроме того, по общей мощности энергетического хозяйства — 34544 л.с. — Надеждинский завод превосходил все уральские металлургические предприятия того времени.

Тем ощутимей был катастрофический урон, который нанесла заводу гражданская война. В годы «русской смуты» производственные мощности Надеждинского завода были в значительной степени разрушены, предприятие лишилось управленческих и рабочих кадров. Введенный в действие после длительного простоя в середине 1919 г., Надеждинский металлургический завод даже в 1921 г. произвел чугуна в 14 раз меньше, чем в 1913 г.

Однако потенциальные возможности предприятия по наращиванию объемов производства, его многопрофильный характер и наличие собственной рудной базы (Ауэрбаховский и Воронцовский рудники) обусловили то обстоятельство, что восстановление и развитие производственных мощностей Надеждинского завода рассматривалось центральными и местными советскими органами в качестве одной из первоочередных экономических задач новой власти на Урале. В этой связи весьма не случайно, что именно Надеждинский завод был выбран в качестве одной из «стартовых площадок» для осуществления самого значительного экономического проекта, проводившегося в первые годы советской власти при участии иностранных специалистов и рабочих — создания автономной индустриальной колонии (АИК) «Кузбасс». Данная колония, без сомнения, была явлением уникальным, представлявшим собой попытку создания крупного государственного предприятия силами иностранных граждан — в большинстве своем, американцев.

Фактическим вдохновителем создания иностранной производственной колонии стал голландский коммунист С.Ю. Руттерс, который приехал в Советскую Россию еще в 1918 г. Работая в Наркомате путей сообщения, он заинтересовался дореволюционными проектами создания Урало-Кузнецкого производственного комбината; также, оценивая перспективы промышленной иммиграции в РСФСР из стран Запада, Руттерс пришел к выводу, что «сотрудничество иностранных рабочих и специалистов будет плодотворнее, если им поручить, как организованной группе, выполнение какого-либо отдельного задания»¹. Результатом этих раздумий стал план создания автономной индустриальной колонии иммигрантов, который Руттерс предложил в июне 1921 г. на рассмотрение Советского правительства.

В соответствии с данным проектом намечалось осуществить усилиями передовых рабочих и специалистов с Запада создание крупного государственного предприятия, включавшего в себя Кузбасский угольный бассейн и Надеждинский завод. По мнению инициаторов проекта, в